

— Ко-конечно! Ко-конечно! Ведь вы же вывелись не под ко-корзиной в курятнике, а на бабушкиной печке. А это удаётся не каждому! — прококовали две рябенькие курочки, Петькины сестрицы.

— Чив-чив... Да! Да! — поддержали их цыплята.

— Ну, если так, если вы со мной согласны, то знайте, что я больше не хочу называться глупым деревенским именем Петька! С этой минуты называйте меня по-другому, — сказал петух.

— А как же вас теперь называть? — опешила куриная публика.

Петух прищурил один глаз и уверенно объявил:

— С этого дня, с этого часа нужно называть меня: месье Коко! Это имя почётное, заграничное. А я не позже как сегодня собираюсь уехать за границу, посетить славный Городок по названию Валяй-Форси. Вы слышали что-нибудь о Валяй-Форси?

— Нет! Откуда нам слышать?

— Эх вы, неучи! Так вот послушайте:

*В тот город быстрые пути
Дано не каждому найти,
Туда не всяк домчится!
За сотни вёрст отсюда он,
В нём населенья — миллион,
И каждый житель — птица!
А назван он — Валяй-Форси.
В нём куры ездят на такси
В любой конец бесплатно.
В столице птичьей
Без хлопот
Легко прожить хоть целый год —
И сытно, и приятно.
Там каждой курице сошьют
И плащ, и капор в пять минут
С большим
Куриным
Вкусом.
Не надо яйца там нести,*

*Не надо лапами грести
С утра до ночи мусор!
Всем петухам такая честь,
Что нам лишь снится может здесь,
А там
Любой отпетый,
Любой задиристый петух
Имеет шпак не меньше двух
И носит эполеты!
Что ни петух — то генерал!
Пусть он даже ростом мал,
Пусть глуповат немножко,
Но украшают ленты грудь
И петушиный устлан путь
Ковровою дорожкой.
И королём петух идёт,
И сдуру в суп не попадёт,
Ощипанный жестоко.
Там, в городке Валяй-Форси,
Лишь знай себе гуляй, форси!
Но он, друзья, далёко...*

Тут бывший Петька, а теперь «месье», немножечко задумался, помолчал, а потом опять гордо вскинул голову:

— Так вот! Я всё равно найду этот городок, займу курятник побольше и вернусь за вами.

— Ах, Коко! Ка-кой вы кавалер! — умилились куры. — Мы ко-который год мечтаем о плащах и капорах. Только капоры нам нужны не ко-кой-какие, а с ко-ко-шниками...

— Будут вам и с кокошниками! — пообещал петух.

— И ко-кое-кто из нас покатается на такси?

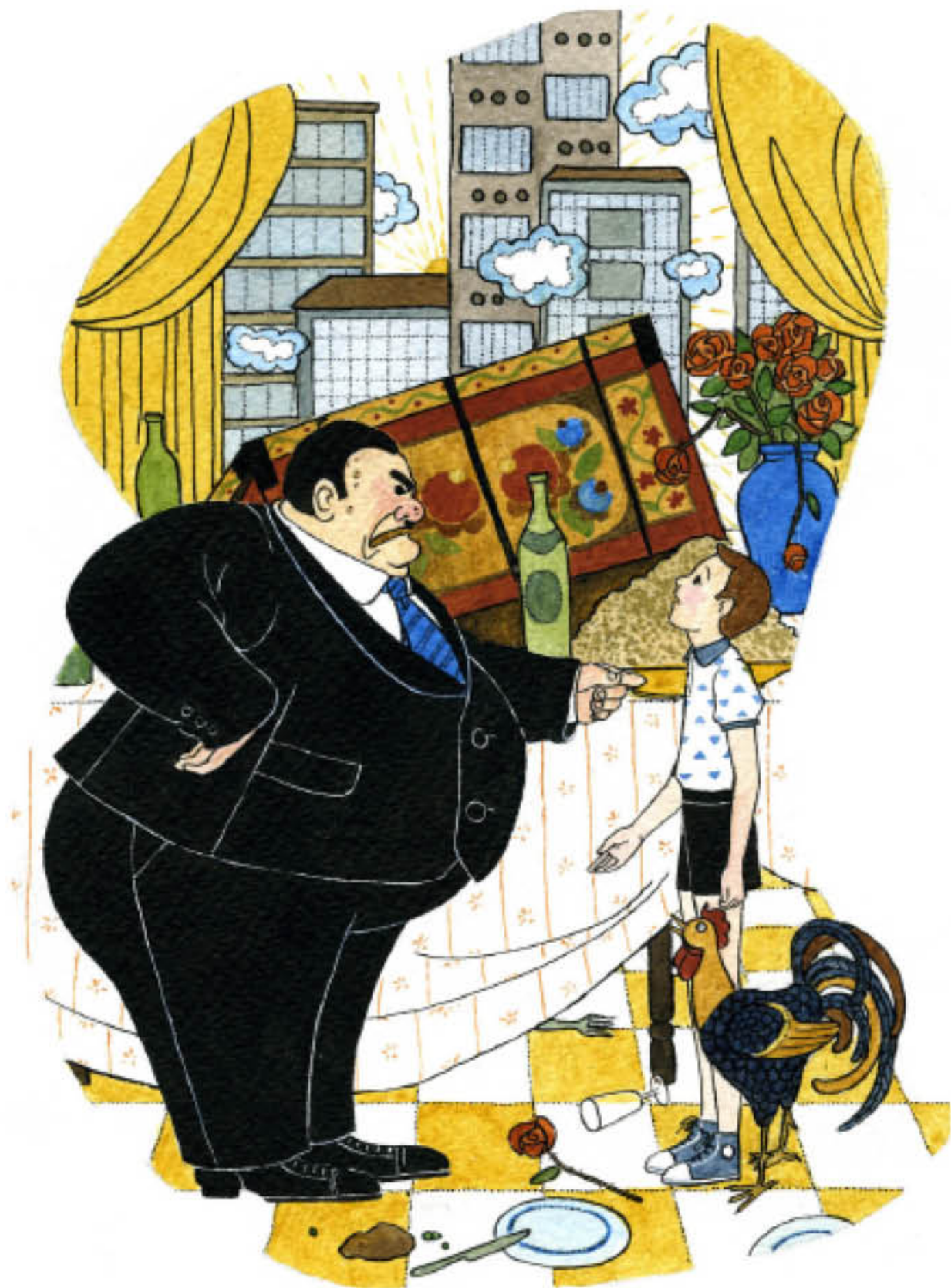
— Не кое-кто, а все!

— Ах-ах! Кудач! — обрадовались куры и восторженно закачали головами.

А я чуть не хихикнул, но вовремя спохватился. Спыхватились и куры:

— Постой, Петька! То есть, прости... Месье Коко... Как же ты уедешь за границу?

Только у одного живот был настоящий, а у второго сделан из подушки. Подушка торчала из-под мундира, в подушке была дырка, из дырки на пол сыпался пух.

— Обыскать, допросить! — рявкнул господин, тыча пальцем в меня.

Полицейские отдали честь и принялись за дело. Первый начал обшаривать меня, а второй, тот, что с поддельным брюшком, раз-раз-раз, по собачьему стал рыться в сундуке.

Потом вдруг он замер, прислушался, глянул под стол, увидел там петуха, закричал: «О ужас!» — выпалил вверх из пистолета и упал в обморок. Белый пух взвился над ним облаком.

Господин тоже заглянул под стол, тоже поморгал рачьими глазами на петуха, да и тоже повалился в обморок.

Хотел упасть в обморок и второй полицейский, но раздумал. Он только покачался, пошлёпал губами, схватил со стола кувшин, глотнул холодной воды и успокоился. А остатки воды выплеснул на хозяина и на своего приятеля.

Полицейский с подушкой очнулся, открыл глаза и пузатый усатый господин. Он заорал громче прежнего:

— Связать, запереть, не выпускать!

И вот с грохотом, звоном полицейские поволокли меня и петуха куда-то вниз по крутой лестнице, а сундук остался наверху.

— Мы вам покажем, — пыхтел один полицейский.

— Мы вам устроим, — шипел второй и дышал на меня чесноком.

Но я думал только о том, чтобы не обронить Зелёное Стёклышко, зажатое в кулаке. Потеряв его, мы потеряли бы Серебряный Меридиан, а может быть, и большее...

Железные ступени лязгали под сапогами полицейских. Гулкое эхо испуганно металось в лестничной клетке. По всему было видно, что нас тащили в тюрьму.

Я кричал в похужее на пельмень ухо полицейского:

— Мы будем жаловаться! Мы будем жаловаться! Пустите...

Но мимо проносилась только глухая каменная стена, а сам я лежал вниз животом на плече разгневанного стража. И вдруг я почувствовал себя свободным. Меня никто не держал.

Оказывается, пока я кричал о справедливости, капитан Коко ловко извернулся и клюнул своего охранника в глаз. Тот ойкнул и выпустил петуха из рук. Второй полицейский бросился за петухом и выпустил меня.

И впереди орущих полицейских мы ринулись вниз по лестнице.

Коко — лётом, я — вприпрыжку через три ступени.

— Не знаешь? А почему твой хозяин Пекарь полез в драку с полицией, тоже не знаешь?

— Тоже не знаю, — едва пролепетал я, потому что во мне всё сразу похолодело. Неужели Пекаря забрали? Неужели из-за нас попал в тюрьму хороший, добрый человек?

Тут один из полицейских заорал:

— Петух! Петух! Вот он! — И все кинулись к раскрытой квашне.

Но я взял себя в руки и как можно спокойнее сказал:

— Это не тот петух. Этого петуха Пекарь купил для начинки в пироги.

— В самом деле? — не поверил старший.

— В самом деле. Можете убедиться.

Я растолкал полицейских, шепнул петуху: «Не шевелись!» — и поднял его за лапу.

— Видите? Он уже не дышит.

Петух и вправду висел как неживой.

Старший полицейский прищурился, покрутил около капитана Коко носом, принюхался и медленно произнёс:

— Да-а ... От него даже чуть-чуть пахнет...

И полицейский хотел было идти восвояси, но вдруг что-то сообразил и вытащил из своих ножен саблю:

— Он, конечно, неживой. Но в этом надо убедиться ещё раз. Дай-ка я его...

Петух вздрогнул, и тут я увидел Зиньзеллу. Она пулей сорвалась с мешка, подлетела к полицейскому начальнику и, звеня крыльшками, нависла над его левым глазом. Полицейский побледнел, опустил саблю, бормотнул сипло:

— По-о ... Пожалуй, и так видно, что петух не совсем живой. Пожалуй, можно считать, что обыск закончен...

— Во-о -круг! — робко произнёс он вместо «Кругом!» и на цыпочках удалился из пекарни. Его сослуживцы, таращась на Зиньзеллу, выкатились вслед за начальством.

Атака врага была отбита успешно. Оживший Коко забрался на старое место, в квашню, но всё равно веселья в нашей победе было мало. Из головы не выходили мысли о Пекаре.

— Если его и посадили, — пыталась утешить меня Зиньзелла, — если его и арестовали, он всё равно не пропадёт. Не такой это человек! С ним это случалось не раз, и тем не менее он всегда возвращался в пекарню.

Так, за разговорами, проходила ночь. А Пекарь всё не возвращался. И каждому из нас было понятно, что без Пекаря нам в этой стране недобровать.

И повсюду — на айсбергах, на льдинах, на берегу — сутились потешные чёрно-белые фигурки, удивительно похожие на маленьких музыкантов во фраках.

И я понял, что ветер затащил меня не на Север, но в такое место, где несколько не теплее и не лучше.

Я понял, что передо мной Антарктида — страна пингинов. Я поёжился и сказал сам себе:

— Ну вот, любитель путешествий! Ты удрал от полиции, вышел почти сухим из океана, но теперь погибнешь от холода и голода среди айсбергов и льдов.

И тут мне вдруг послышалось: кто-то где-то кричит.

Я привстал и увидел на волнах — нет-нет, не пингвина! — а живого-преживого капитана Коко!

Я подумал, что с горя мне мерещится, ущипнул себя за ухо, но в открытом океане в самом деле кричал петух!

Он плыл! Он из последних сил подгрёбал к сундуку.

Я тоже чем попало — руками, ладонями, зонтом — стал грести навстречу, схватил петуха за гребень и втащил в сундук. И сразу понял, почему Коко не утонул.

Он плыл... в калоше!

Да, да! В огромной старой калоше из той самой пары, которую бабушка весной надевает на валенки. Калоша во время аварии выпала из сундука, петух забрался в неё и остался жив.

Мы так радовались встрече, что даже забыли о своей беде. Но мы тут же дали друг другу слово никогда не загадывать и не отгадывать загадок на вахте. Особенно про осьминогов. И всегда быть начеку, чтобы опять где-нибудь не влопаться в неприятность.

Но думаете, петух после этого посмирнел? Ничуть!

Как только он увидел пингинов, сразу засуетился, заволновался:

— Смотри! Смотри! Там птицы! Там одни только птицы! Они приветствуют нас! — орал он с прежним азартом. — Смотри! Они машут нам крыльями! Ведь это же чудесно! Ведь это же... — И тут Коко так уставился на меня, будто в голову ему пришла гениальная мысль.

Он пару мгновений беззвучно раскрывал клюв, потом выпалил:

— Слушай! Ведь это Валяй-Форси! Я уверен — это Валяй-Форси! — И он так обрадовался, так запрыгал, что снова чуть не угодил за борт.

— Дружище! — горланил он. — Одолжи мне свой городской костюм! Я так обтрепался за дорогу, что и птицам показаться стыдно. У меня, наверное, такой вид, что и куры не признают.

— Ну-с, молодые люди! Вы пришли точно, из секунды в секунду. Манная каша готова! Прошу к подоконнику!

Я хотел было сказать, что манной каши не терплю, но Клоун шепнул:

— Не спорьте! Мастер все важные дела начинает с манной каши. С теми, кто каши не ест, здесь не разговаривают.

Мы с петухом подошли к подоконнику, очистили всю кастрюльку до доньшка, а на второе вместе с Мастером съели эскимо.

— Ну вот, — сказал Мастер, — теперь я вижу, что вы народ серьёзный. Теперь я могу показать вам одну интересную штуку.

И он достал с полочки белый флакон с надписью «Дождевые капельки».

— Разрешите, откупырю! — услужливо подскочил к Мастеру петух.

— Пожалуйста, — согласился Мастер. — Только не «откупырю», а «откупорю»...

Петух выдернул пробку. Мастер наклонил пузырёк над чистой тарелкой, отмерил одну капельку — и мы увидели на выпуклой поверхности, как в крохотном телевизоре, Жабиана!

Мастер отмерил вторую капельку — и мы увидели пингвинов!

Мастер капнул в третий раз — и перед нами появился жаркий берег океана!

— Послушайте! — сказал я. — Ведь этак вы можете увидеть любой уголок на Земле! На вашем месте я только то бы и делал, что капал на тарелку да смотрел в дождевые капельки.

Мастер усмехнулся:

— На моём месте ты бы делал игрушки. Ведь я же Мастер Игрушечных Дел! А флакон с капельками я достаю только тогда, когда кто-нибудь заблудился и ему нужна помощь.

— А разве мы заблудились? — удивлённо спросил петух.

— Конечно! Вы же ищете то, чего нет. А каждый, кто ищет то, чего нет, считается заблудившимся.

— Как это так?! — вскричал петух и даже подпрыгнул на месте. — Как «то, чего нет»?! Разве Валяй-Форси не существует?

— Да, дорогой капитан! Да, дорогой Коко! Валяй-Форси не существует. Подумай-ка сам, как может существовать такой город, где никто не делает ничего?

И тут петух глянул на меня, я глянул на петуха, мы оба охнули, а потом петух заголосил:

— Ой-ой! Раз уж мы не нашли куриный городок, раз уж мы такие заблудшие, то лучше нам и совсем не возвращаться домой, а пропадать на чужой сторонуще-е-е...

